

писатели обращаются к христианству как единственной духовной опоре среди всеобщей катастрофы. У Шмелева христианские мотивы занимают одно из центральных мест; Зайцев в первые же годы эмиграции обращается к переложению жития Сергия Радонежского; в творчестве Бунина христианское начало менее заметно, но оно отчетливо выражено в рассказе «Святитель», в приведенном выше финале «Богини Разума», в публицистике и т. д. Наконец, наиболее крупные произведения всех трех писателей являют собой поэтическое воссоздание той самой дореволюционной жизни, к критике которой они когда-то приложили руку. У каждого из них это воссоздание принимает форму лирической хроники и восходит к воспоминаниям о собственном детстве или юности («Жизнь Арсеньева» Бунина, «Лето Господне» Шмелева, «Путешествие Глеба» Зайцева).

К творчеству Шмелева и Зайцева в полной мере приложимы слова В. Линкова о лирике как универсальном для Бунина способе освоения мира (с. 166). В пору создания основных произведений оба этих писателя так же мало, как и Бунин, подходят под мерку «критического реализма». Однако эта вполне очевидная общность в равной степени игнорируется и В. Линковым, и В. Лавровым; последний, в частности, лишь мимоходом упоминает о многолетней дружбе Бунина с Борисом Зайцевым — и то по поводу их разрыва.

О сложности пути к адекватному восприятию Бунина пишет в «Новом мире» А. Василевский. В его статье Нобелевский лауреат, пожалуй, впервые предстает не прекрасным писателем с аморальным мировоззрением, как в книге В. Линкова, и не полусоветским народником, как в «романе-хронике» В. Лаврова, а трезвым и зорким мыслителем, глубоко чувствующим онтологические связи между явлениями и с огненным темпераментом отстаивающим нравственные абсолюты. «И не нужно его «извинять», — пишет А. Василевский, — он в этом не нуждается»⁹. В частности, не нужно «извинять» Бунина за то, что он не похож на своих предшественников — хотя бы и на Льва Толстого.

С. ШЕШУНОВА

⁹ А. Василевский, Разорение. — «Новый мир», 1990, № 2, с. 267.